

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ: ТИПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Тангриева Диёра Гани кизи
магистр Азиатского международного университета.

Аннотация

В статье рассматривается морфологическая категория падежа в русском и узбекском языках в типологическом аспекте. Проводится сопоставительный анализ падежных систем двух языков, принадлежащих к различным типологическим группам: флективному (русский) и агглютинативному (узбекский). Выявляются структурные и функциональные сходства и различия в выражении падежных значений, исследуются проблемы межъязыковой интерференции, возникающие при изучении русского языка носителями узбекского языка. Особое внимание уделяется типичным ошибкам в употреблении падежных форм, обусловленным различиями в морфологическом строе сопоставляемых языков. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как неродного в узбекоязычной аудитории.

Ключевые слова: морфологическая категория, падеж, русский язык, узбекский язык, типология, агглютинация, флексия, интерференция, сопоставительный анализ, падежная система.

Введение

Категория падежа занимает центральное место в морфологической системе как русского, так и узбекского языков, однако способы её реализации в этих языках существенно различаются. Русский язык, принадлежащий к группе флективных языков индоевропейской семьи, характеризуется синтетической падежной системой, в которой грамматическое значение выражается посредством окончаний, нередко совмещающих несколько грамматических значений (падеж, число, род). Узбекский язык, относящийся к агглютинативным языкам тюркской семьи, реализует падежные значения с помощью последовательного присоединения однозначных аффиксов к основе слова.

Актуальность сопоставительного изучения падежных систем русского и узбекского языков определяется несколькими факторами. Во-первых, типологическое сопоставление языков различного строя позволяет глубже понять природу грамматической категории падежа как универсального языкового явления. Во-вторых, в условиях двуязычия, характерного для образовательного пространства Узбекистана, проблемы межъязыковой интерференции в области падежного употребления представляют не только теоретический, но и практический интерес для методики преподавания русского языка. В-третьих, несмотря на значительное количество работ, посвящённых отдельным аспектам грамматики русского и узбекского языков, комплексное типологическое сопоставление их падежных систем с акцентом на проблемы интерференции остаётся недостаточно разработанным.

Целью настоящей статьи является типологическое сопоставление морфологической категории падежа в русском и узбекском языках и выявление закономерностей межъязыковой интерференции в области падежного употребления. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: описание падежной системы русского языка с точки зрения её структуры и функционирования; характеристика падежной системы узбекского языка; типологическое сопоставление двух систем; анализ типичных проявлений интерференции при овладении русскими падежными формами узбекоязычными учащимися.

1. Падежная система русского языка: структура и функционирование

Падежная система русского языка включает шесть основных падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный. Каждый падеж характеризуется определённым набором грамматических значений и синтаксических

функций. Именительный падеж выступает как форма субъекта и именного сказуемого; родительный выражает широкий спектр значений — от принадлежности и части целого до объекта при отрицании; дательный оформляет косвенный объект (адресат, получатель); винительный — прямой объект при переходных глаголах; творительный выражает значение инструмента, орудия, образа действия, а также используется в составе именного сказуемого; предложный употребляется исключительно с предлогами и обозначает место, объект мысли или речи.

Существенной особенностью русской падежной системы является её флективный характер. Падежные окончания в русском языке являются полифункциональными: одно и то же окончание может одновременно указывать на падеж, число и род существительного (например, окончание -ой в форме «водой» выражает творительный падеж, единственное число, женский род). При этом одно и то же падежное значение может быть выражено различными окончаниями в зависимости от типа склонения, рода и числа (ср.: стол-а, книг-и, окн-а — формы родительного падежа единственного числа). Данная омонимия и синонимия падежных окончаний создаёт значительные трудности для изучающих русский язык как неродной.

Русский язык располагает тремя основными типами склонения существительных, а также рядом особых парадигм (разносклоняемые существительные, несклоняемые заимствования, субстантивированные прилагательные). Система склонения прилагательных, местоимений и числительных добавляет дополнительные парадигматические ряды. Согласование в падеже между существительным и зависимыми от него словами (прилагательными, причастиями, порядковыми числительными) является обязательным грамматическим механизмом, не имеющим аналога в узбекском языке. Кроме того, важную роль в падежной системе русского языка играют предлоги, которые управляют определёнными падежными формами и нередко уточняют или модифицируют падежное значение (ср.: в город — винительный, в городе — предложный).

Как отмечают А. А. Зализняк, В. В. Виноградов и другие исследователи, категория падежа в русском языке тесно взаимодействует с другими грамматическими категориями — рода, числа, одушевлённости, что формирует сложную сеть морфологических противопоставлений. Категория одушевлённости, в частности, определяет выбор формы винительного падежа (совпадение с родительным у одушевлённых vs. с именительным у неодушевлённых существительных мужского рода), что представляет собой уникальную черту русской морфологии, отсутствующую в узбекском языке.

2. Падежная система узбекского языка: агглютинативная модель

Падежная система узбекского языка включает шесть падежей: бош келишик (основной/именительный), қаратқич келишиги (родительный/притяжательный), тушум келишиги (винительный), жўналиш келишиги (дательно-направительный), чиқиш келишиги (исходный/отложительный) и ўрин-пайт келишиги (местно-временной). Каждый падеж характеризуется строго определённым аффиксом, присоединяемым к основе слова в соответствии с законами агглютинации.

Принципиальным отличием узбекской падежной системы от русской является агглютинативный способ выражения грамматических значений. В узбекском языке каждый аффикс, как правило, выражает одно грамматическое значение, аффиксы присоединяются последовательно в строго определённом порядке, а границы между морфемами чётко выражены. Так, форма китобларимдан (книг-мн.ч.-мой-от) содержит отдельные показатели множественного числа (-лар), притяжательности (-им) и исходного падежа (-дан), каждый из которых выполняет одну функцию. В русском эквиваленте «от моих книг» аналогичная информация распределена между предлогом, притяжательным местоимением и падежной формой существительного.

Основной падеж (бош келишик) в узбекском языке выполняет функции, значительно более широкие, чем именительный падеж в русском. Помимо функции подлежащего, он используется в ряде контекстов, где русский язык требует косвенных падежей: в качестве

прямого дополнения при неопределённом объекте (Мен китоб ўкидим — «Я читал книгу», где «китоб» стоит в основном падеже), в именном сказуемом и в некоторых обстоятельственных конструкциях. Данная особенность существенно влияет на характер интерференции при изучении русского языка: узбекоязычные учащиеся склонны использовать именительный падеж там, где русская грамматика требует косвенных форм.

Ещё одной важной особенностью узбекского языка является отсутствие грамматической категории рода и, соответственно, отсутствие согласования по роду между именем и его определением. Прилагательные в узбекском языке не изменяются по падежам: в словосочетании катта уй — «большой дом», катта уйда — «в большом доме», катта уйдан — «из большого дома» прилагательное катта остаётся неизменным. В русском же языке соответствующие формы требуют согласования: большой дом, в большом доме, из большого дома. Это различие является одним из наиболее значимых источников интерференции, поскольку узбекоязычные учащиеся часто допускают ошибки именно в согласовании прилагательных с существительными в падеже.

3. Типологическое сопоставление падежных систем русского и узбекского языков

Типологическое сопоставление падежных систем русского и узбекского языков выявляет как системные сходства, так и принципиальные различия, определяемые морфологическим типом каждого языка. К числу сходств относится прежде всего само наличие развитой падежной системы с шестью падежами, выражаемыми морфологическими средствами. Оба языка используют падежные формы для выражения субъектно-объектных, атрибутивных, обстоятельственных и других синтаксических отношений. В обоих языках именительный (основной) падеж является немаркированной формой, используемой в функции подлежащего и словарной формой существительного.

Однако различия между системами значительно существеннее сходств. Они могут быть систематизированы по нескольким параметрам. Во-первых, различается сам способ выражения падежных значений: русская система флективна (кумулятивные окончания), узбекская — агглютинативна (однозначные аффиксы). Во-вторых, различается степень регулярности парадигм: узбекская система характеризуется высокой степенью регулярности (единый набор аффиксов для всех существительных с предсказуемым фонетическим варьированием), тогда как русская система отличается значительной парадигматической вариативностью (три типа склонения, многочисленные отклонения). В-третьих, различается роль согласования: в русском языке категория падежа связана с системой согласования (прилагательное — существительное), в узбекском такое согласование отсутствует.

Особого внимания заслуживает сопоставление функциональных зон отдельных падежей. Русский родительный падеж покрывает широкое семантическое пространство, включающее значения принадлежности, части целого, субъекта при отрицании, количественное значение и др. В узбекском языке эти значения распределяются между несколькими падежами и послелогом: притяжательный падеж (қараткич) выражает прежде всего значение принадлежности, тогда как другие значения русского родительного передаются средствами иных падежей или послеложных конструкций. Аналогичная асимметрия наблюдается в зоне русского предложного падежа, значения которого в узбекском языке распределяются между местно-временным и дательно-направительным падежами.

Роль предлогов и послелогов также существенно различается. В русском языке предлоги являются неотъемлемой частью падежной системы: многие предлоги управляют конкретными падежами, а некоторые допускают употребление с несколькими падежами, различая при этом значения (на стол — на столе, за город — за городом). В узбекском языке послелоги функционируют как самостоятельные лексико-грамматические единицы, не связанные столь жёстко с определёнными падежными формами. Эта разница в

системной организации служебных слов и падежных форм порождает значительные трудности при переводе и при усвоении русских предложно-падежных конструкций.

4. Проблемы интерференции в области падежного употребления

Межъязыковая интерференция в области падежного употребления у узбекоязычных учащихся, изучающих русский язык, проявляется на нескольких уровнях: морфологическом (выбор падежной формы), синтаксическом (конструирование предложно-падежных сочетаний) и функционально-семантическом (выбор падежа в соответствии с коммуникативным намерением). Анализ типичных ошибок позволяет выделить несколько основных типов интерференции.

Первый и наиболее распространённый тип — замена косвенных падежей именительным. Данная ошибка обусловлена тем, что основной падеж в узбекском языке обладает значительно более широкой дистрибуцией, чем именительный в русском. Узбекоязычный учащийся, перенося навыки родного языка, использует именительный падеж в позициях прямого дополнения (*Я читаю книга вместо книгу), обстоятельства (*Я иду школа вместо в школу) и даже косвенного дополнения (*Я дал друг вместо другу). Этот тип ошибок особенно устойчив на начальных этапах обучения и свидетельствует о глубинном влиянии структурной модели родного языка.

Второй тип интерференции связан с ошибками в согласовании прилагательных с существительными в падеже. Поскольку в узбекском языке прилагательное-определение не изменяется по падежам, учащиеся склонны оставлять прилагательное в именительном падеже при изменении существительного: *красивый книги (вместо красивой книги), *большой дому (вместо большому дому). Эта ошибка усугубляется сложностью русской системы адъективного склонения, включающей варьирование окончаний в зависимости от рода, числа и типа основы.

Третий тип связан с ошибками в употреблении предложно-падежных конструкций. Узбекоязычные учащиеся нередко затрудняются в выборе предлога и соответствующей падежной формы, что объясняется различиями в системной организации пространственных и иных отношений в двух языках. Типичны ошибки типа: *на комнату (вместо в комнате), *от Ташкент (вместо из Ташкента), *к школа (вместо к школе). Особую трудность представляют предлоги, управляющие двумя падежами (в + винительный / в + предложный; на + винительный / на + предложный), поскольку в узбекском языке аналогичные пространственные значения выражаются иными средствами.

Четвёртый тип интерференции затрагивает категорию одушевлённости, которая отсутствует в узбекском языке как грамматическая категория. Русское правило, согласно которому форма винительного падежа одушевлённых существительных мужского рода совпадает с родительным, а неодушевлённых — с именительным, не имеет аналога в узбекском и усваивается с большим трудом. Ошибки типа: *Я вижу учитель (вместо учителя), *Я жду автобуса (вместо автобус при неодушевлённости) являются регулярными на всех этапах обучения и могут сохраняться даже при достаточно высоком уровне владения языком.

Пятый тип ошибок обусловлен различиями в выражении притяжательных отношений. В узбекском языке принадлежность выражается с помощью притяжательного падежа имени обладателя и притяжательного аффикса при обладаемом (укитувчининг китоби — «книга учителя», букв. «учителя-его книга»). Русская конструкция с родительным падежом (книга учителя) не содержит притяжательного показателя при обладаемом, что нередко приводит к ошибочным конструкциям с избыточными притяжательными местоимениями: *его книга учителя.

Заключение

Проведённый типологический анализ падежных систем русского и узбекского языков позволяет сделать ряд выводов. Несмотря на совпадение количества падежей (по шесть в каждом языке), способы реализации падежных значений принципиально различаются: русская флективная система с кумулятивными окончаниями, множественностью

склонений и обязательным согласованием противостоит узбекской агглютинативной системе с однозначными аффиксами, регулярными парадигмами и отсутствием согласования. Функциональные зоны отдельных падежей не совпадают: объём значений русского родительного и предложного падежей шире, чем у их ближайших узбекских аналогов, тогда как узбекский основной падеж функционально шире русского именительного.

Выявленные типологические различия закономерно порождают межъязыковую интерференцию, проявляющуюся в характерных типах ошибок: замене косвенных падежей именительным, нарушении согласования прилагательного с существительным, ошибках в предложно-падежных конструкциях, трудностях с категорией одушевлённости и избыточном употреблении притяжательных местоимений. Каждый из этих типов ошибок объясним с позиций контрастивного анализа и предсказуем на основе сопоставления морфологических систем двух языков.

Практическое значение полученных результатов состоит в возможности их использования для оптимизации методики преподавания русского языка в узбекоязычной аудитории. Учёт типологических различий между падежными системами позволяет прогнозировать зоны наибольшей трудности, разрабатывать целенаправленные упражнения на преодоление интерференции и выстраивать последовательность введения падежных форм с учётом степени типологического расхождения. Дальнейшее исследование может быть направлено на количественный анализ частотности различных типов падежных ошибок, изучение динамики преодоления интерференции на разных этапах обучения и разработку конкретных методических рекомендаций.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.: Высшая школа, 1972. — 614 с.
2. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М.: Наука, 1967. — 370 с.
3. Решетов В. В., Шоабдурахмонов Ш. Ш. Ўзбек тилининг грамматикаси. Морфология. — Тошкент: Ўқитувчи, 1978. — 352 б.
4. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 446 с.
5. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. — Киев: Вища школа, 1979. — 263 с.
6. Рахматуллаев Ш. У. Ўзбек тили грамматикаси. — Тошкент: Университет, 2006. — 280 б.
7. Ремизов В. А. Русский язык для студентов-узбеков: типичные ошибки и пути их преодоления. — Ташкент: Фан, 2003. — 192 с.
8. Нурмонов А. П. Ўзбек тилининг мазмуний синтаксиси. — Тошкент: Фан, 2003. — 168 б.
9. Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. — С. 176–197.
10. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М.: Эдиториал УРСС, 2003. — 384 с.